

О.Н. Новикова

Иностранные боевики: Вызов безопасности Запада

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен «иностранных боевиков», анализируется природа этой угрозы, показаны демографический аспект, пути радикализации и мобилизации. Особое внимание уделено боевикам, возвращающимся в Европу.*

***Abstract.** The article is focused on the «foreign fighters» phenomenon, gives an insight into the nature of the threat, shows demographics, radicalization and mobilization pathways. Much attention is devoted to returnees in Europe.*

***Ключевые слова:** иностранные боевики, радикализация, мобилизация, реинтеграция, Сирия.*

***Keywords:** foreign fighters, radicalization, mobilization, reintegration, Syria.*

Иностранные боевики (ИБ) играют важную роль в современных конфликтах в исламском мире. Они очень опасны, потому что их деятельность весьма эффективна. Террористические группировки, имеющие в своем составе иностранных боевиков, во много раз успешнее, чем те, которым не удалось их привлечь. Появление иностранных боевиков в Европе после окончания вооруженного конфликта – еще одна угроза безопасности Запада.

Участие иностранцев в вооруженных конфликтах – явление не новое. В последние десятилетия количество иностранных групп, задействованных во внутренних конфликтах, увеличилось. Иностранцы участвуют в боевых действиях на территории других

государств, когда считают, что появилась угроза идентичности транснациональной группы, к которой они себя причисляют, и необходимость мобилизации в целях ее защиты [Malet, 2010, p. 99]. Лорд Байрон участвовал в войне за независимость Греции от Османской империи. Граждане СССР вместе с другими добровольцами из интернациональных бригад участвовали в войне в Испании против фашизма. По мнению профессора Университета штата Колорадо в Пуэбло Д. Мале, в первой половине XX в. большинство иностранных боевиков были членами коммунистических групп, а в конце XIX в. – анархистами [Malet, 2009, p. 284]. Для этих людей, как и для иностранных боевиков сегодня, характерна такая черта, как принадлежность к особой идентичности – идеологической, националистической или религиозной. В наше время иммиграция и модернизация, разорвавшие многие внутриобщинные связи, способствовали появлению изолированных от общества, готовых к активным действиям индивидов, восприимчивых к призывам разделяющих их опасения и озабоченности движений. Мотивациями иностранных боевиков могут быть также поиски смысла жизни, стремление к самоутверждению, скука, психические расстройства, гуманитарные устремления, например желание защитить местное население.

При рекрутировании иностранных боевиков вербовщики учитывают их личные мотивы: выделяя, в частности, гуманитарную составляющую, подчеркивают жестокость врага и страдания гражданского населения, восхищаются героизмом боевиков, защищающих его, или говорят об угрозе существованию религиозной общины, требующей мобилизационных усилий по ее защите. Если при проведении контртеррористических операций не полностью соблюдаются права человека и законность, то это способствует радикализации и ускоренной мобилизации иностранных боевиков.

Демографические данные, касающиеся иностранных боевиков, весьма противоречивы. Однако известно, что боевики вербуются и среди несовершеннолетних, и среди женщин. Типичный возраст иностранного боевика, сражающегося в Сирии, – 18–29 лет, хотя есть и те, кому 15–17 лет, а также те, которым за 30. В целом боевики в Сирии моложе тех, кто участвовал в афганском джихаде (25–35 лет). Экстремизм с середины 2000-х годов помолодел [Barrett, 2014, p. 16]. Несовершеннолетние, женщины, подростки (13–19 лет)

и неофиты образуют особую группу боевиков, которая составляет приблизительно 10% всех иностранцев, отправляющихся в Ирак и Сирию. Нужно отметить, что в большинстве случаев эти четыре категории частично совпадают или перекрываются, так как некоторые женщины-боевики становятся неофитами, сочетаясь браками с мусульманами, а некоторые неофиты-подростки – это дети в таких семьях. Замечено, что большинство неофитов, как правило, имели проблемы в семье, многие несовершеннолетние (даже в возрасте до 10 лет) и подростки были вывезены родителями в зоны конфликтов или уехали самостоятельно, сбежав из дома. Конечно, не все, едущие в Сирию, Ливан или Ирак, изначально имели намерение стать боевиками, у каждого могли быть соображения личного характера, а взгляды могли радикализироваться уже на месте. Известны случаи, когда ислам принимали христиане из Канады, США, Франции, Германии, Великобритании, Бельгии и Италии. Как правило, это дети разведенных родителей, отчаянно стремящиеся к стабильности. Изучение ислама давало им опору, уверенность. Следующим шагом становилось путешествие на Ближний и Средний Восток и изучение арабского языка. Любопытно отметить: многие боевики-террористы в прошлом были любителями рэпа и тяжелого рока. В некоторых случаях вступление в ряды ИГИЛ воспринимается молодежью как определенный вызов обществу.

Беспрецедентная по своему размаху эмиграция мусульман на Запад способствовала детерриторизации уммы, тем самым поставив вопрос о том, что значит быть мусульманином и какие территории являются мусульманскими. В настоящее время идеи радикального ислама доступны в Интернете широкому кругу пользователей. Многие национальные традиции при этом обличаются как неисламские. Транснациональная исламская идентичность провозглашается единственной альтернативой опасному, чуждому Западу и далекой родине. *Поэтому все возрастающий поток иностранных боевиков, направляющихся в зоны конфликтов, идет с Запада, а не из стран Ближнего и Среднего Востока.*

Характерно, что иностранные боевики не возвращаются в страны происхождения для борьбы за идеалы ислама. Они не надеются изменить свою потерянную родину. Они направляются на периферию уммы, в разоренные конфликтами территории или в

несостоявшиеся государства (failed states) с ослабленными культурными и государственными институтами, где больше шансов создать «правильное» с теологической точки зрения государство. Они борются не за территорию, а для того, чтобы построить определенное сообщество.

Необходимо различать наемников и иностранных боевиков (ИБ). Определение наемника присутствует в международном праве. Оно дается в ст. 47 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) [Дополнительный протокол., 1977, с. 235]. Наемник – это лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей.

Наемник не имеет права на статус комбатанта или военнопленного. Наемник – это любое лицо, которое: 1) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; 2) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях; 3) принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; 4) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; 5) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; 6) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил [там же].

Что касается термина «иностранный боевик», то общепринятого определения данного термина не существует. Его нет и в национальных юридических документах. Но недавно Советом Безо-

пасности ООН в резолюциях 2170 (2014) и 2178 (2014) был принят термин «иностранцы боевики-террористы», которые определяются в резолюции 2178 (2014) Совета Безопасности как лица, отправляющиеся в государство, не являющееся государством их проживания или гражданства, для целей совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки, в том числе в связи с вооруженным конфликтом [Резолюция 2178., 2014, с. 2].

Тем не менее ряд подразделений ООН, например Рабочая группа по вопросам наемников, Верховный комиссар ООН по правам человека, Независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике, в своих документах используют термин «иностранцы боевики». Дело в том, что в вышеупомянутых резолюциях Совета Безопасности речь идет об иностранных боевиках исламистского толка, воюющих на стороне «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ), «Джабхат ан-Нусра», групп, предприятий и организаций, связанных с «Аль-Каидой». Надо заметить, что в Сирии иностранные боевики (в основном из Ирана, Ирака и Ливана) воюют также и на стороне правительства Башара Асада.

Томас Хеггхаммер из норвежского Института оборонных исследований выделил четыре основных признака, определяющих иностранного боевика: 1) он примкнул к повстанцам и действует в их рядах; 2) у него нет гражданства страны, где имеет место конфликт, и он не имеет родственников среди воюющих сторон; 3) он не состоит в официальных военных организациях; 4) его деятельность не оплачивается [Hegghammer, 2011, p. 57–58].

Первый критерий подчеркивает отличие иностранных боевиков от иностранных боевиков-террористов, которые специализируются на проведении насильственных действий в отношении гражданского населения. Надо отметить, что это различие не всегда учитывается. Зачастую и для тех, кто осуществляет террористические акты в зоне вооруженного конфликта, и для террористов-смертников в различных городах Запада применяется один и тот же термин: «джихадисты». На самом же деле термин «иностранцы боевики» описывает только тех, кто сражается в зоне проведения боевых операций.

Второй критерий исключает возвратившихся членов диаспоры или повстанцев, бывших в изгнании, которые ранее так или иначе были участниками конфликта. Наличие подобного признака существенным образом упрощает привлечение таких людей к вооруженной борьбе. При этом гражданство иностранных боевиков само по себе не может служить определяющей чертой: они могут быть гражданами европейских стран и в то же время – представителями своей этнической диаспоры.

Третий признак исключает солдат войсковых подразделений, находящихся на довольствии и выполняющих приказы своих военачальников.

В соответствии с четвертым признаком иностранных боевиков, не являющихся гражданами государств, где происходят конфликты, надо отличать от наемников и от солдат частных охранных предприятий, чья деятельность оплачивается правительствами или частными структурами, например транснациональными корпорациями, с разрешения правительства. Иностранные боевики, о которых идет речь, не стремятся исключительно к получению прибыли, их мотивация идеологическая или религиозная.

Контингенты иностранных боевиков отличаются как по степени поддержки со стороны государства, так и по способу мобилизации. Хотя иностранные боевики не являются солдатами действующих армий, они часто пользуются значительной поддержкой государства. Некоторые добровольческие вооруженные подразделения являлись на самом деле нерегулярными армиями, созданными государствами, чтобы иметь возможность гибко реагировать на вызовы и в то же время не нести ответственности за свои действия. К примеру, в гражданской войне в Испании участвовали Интернациональные бригады – вооруженные отряды добровольцев, часть которых пользовалась поддержкой Советского Союза, осуществлявшейся через Коминтерн.

Существуют глобальный и региональный мобилизационные проекты. О региональной мобилизации иностранных боевиков можно говорить в том случае, когда они приезжают в конфликтную зону из близлежащих стран. Иностранные боевики принимают участие не во всех локальных конфликтах, а только в некоторых: в частности, межрелигиозных, особенно кровопролитных, или при иностранных интервенциях. При этом нужно добавить, что

сами по себе религиозные противоречия не являются обязательным или достаточным условием для участия в конфликте иностранных боевиков. Однако большие потери среди военных и гражданского населения, как, например, во время афганской, ирано-иракской и ливанской войн, в какой-то мере способствуют активизации движения иностранных боевиков в конфликтных регионах. Что же касается участия иностранных боевиков в войнах, возникших в результате иностранного вмешательства, то можно отметить следующее. В 1950–1960-х годах войны велись в основном за независимость колониальных стран. Более поздние конфликты, связанные с вторжением иностранных войск на территории уже независимых государств, стали восприниматься уммой как акты агрессии, что способствовало привлечению иностранных боевиков. Самые крупные мобилизации иностранных боевиков происходили во время операции СССР в Афганистане, операции Международных сил содействия безопасности в Афганистане и вторжения США в Ирак в 2003 г. В то же время иностранные боевики участвовали и в конфликтах, носящих несколько другой характер: в Боснии, Таджикистане, Чечне и Косово. В последние десятилетия росту участия иностранных боевиков в конфликтах способствует и бурное развитие мультимедийного пространства, позволяющее быстро получать информацию о событиях и конфликтах в мире.

Иногда феномен ИБ увязывают с эволюцией исламизма, утверждая, будто бы движение иностранных боевиков расширяется, потому что исламистское движение крепнет. Но, во-первых, исламизм как идеология возник в конце XIX в., а как устоявшийся политический феномен сформировался в 1920-х годах. К концу 1940-х годов организация «Братьев-мусульман» в Египте насчитывала сотни тысяч членов. Но активизация движения иностранных боевиков произошла в 1980-х годах. Во-вторых, большинство исламистских групп до 1980-х годов боролись против политических режимов своих собственных стран и не были задействованы в боевых действиях в отдаленных странах.

Некоторые исследователи, например Оливье Руа [см.: Roy, 1994], считают, что движение ИБ возникло в связи с падением влияния исламизма. Но события в Сирии опровергают этот тезис.

Томас Хегтхаммер полагает, что существует собственная доктрина ИБ, которая возникла в середине 1980-х годов и отличается

от доктрины традиционного джихада [Hegghammer, 2011, p. 74]. В то время как доктрина исламизма фокусируется на внутренних угрозах, доктрина ИБ нацелена на борьбу с внешним врагом. До 1980 г. практически все исламистские группы, руководствуясь идеями египтянина Сайида Кутба (1906–1966), стремились лишь изменить режим в своих странах, сместив коррумпированных руководителей и отменив светское законодательство. По мнению Абдуллы Аззама (1941–1989), самого известного теоретика иностранных боевиков, необходимо лишить национальные правительства права препятствовать выезду частных лиц за рубеж для участия в военных действиях. Большинство исламских богословов XX в. считали, что джихад может быть объявлен в случае агрессии немусульманских государств в отношении мусульманской страны, но при этом ответственность за вооруженную борьбу с агрессором лежит прежде всего на местном населении. Для участников джихада из других мусульманских стран такая борьба – это коллективная обязанность, т.е. предписание, которое является обязательным для мусульман в целом, но, если достаточное количество мусульман занимается исполнением этой обязанности, все остальные мусульмане освобождаются от нее. В то же время желающие участвовать в джихаде в других странах должны получить разрешение родителей, кредиторов и политических властей. То есть существует большое количество религиозных ограничений для иностранных участников джихада.

Следует подчеркнуть разницу между теоретическими воззрениями А. Аззама и более поздней доктриной глобального джихада, которую взяла на вооружение «Аль-Каида». В то время как А. Аззам выступал за применение обычной военной тактики на театре военных действий, Усама бен Ладен в своей знаменитой речи 1998 г. санкционировал использование любых средств в любом месте земного шара [Bin Laden, 1998].

Практически все неправительственные вооруженные группы вписывают свою деятельность в рамки борьбы, обусловленной правом на самоопределение. Иностранные боевики могут или способствовать осуществлению этого права, или противодействовать этому. Известно, что правом на самоопределение обладают народы, а не государства. Но часто неясно, какие именно народы должны обладать этим правом, а какие – нет. Замечено, что иностранные

боевики оказывают влияние на местных повстанцев, подрывая процесс осуществления права на самоопределение. Иностранные боевики нередко переформулируют цели повстанцев, способствуют их радикализации и фрагментации. Это приводит к увеличению продолжительности конфликта, осложняет переговорный процесс, ведущийся в целях прекращения конфликта. Иностранные боевики используют радикальные и противоправные методы ведения боевых действий, в результате чего большему насилию подвергается местное население. В докладе Рабочей группы по использованию наемников Генеральной Ассамблеи ООН отмечалось, что иностранные боевики бывают более жестокими в своих действиях по причине отсутствия прочных связей с местным населением, что и наблюдается в Сирии и Ираке [Panel event., 2015, p. 4].

Т. Хеггхаммер утверждает, что, по открытым источникам, за период 1990–2010 гг. на территории Европы и Америки действовал 401 заговорщик, из них по крайней мере 107 ранее были иностранными боевиками [Hegghammer, 2013, p. 4]. При этом, используя различные методики, Т. Хеггхаммер выявил, что в тот же период численность иностранных боевиков, выехавших из Европы и Америки в районы боевых действий, достигла 945 человек [там же], что в три раза больше, чем численность «местных» боевиков.

Начиная с 2012 г. иностранные боевики стали стекаться в Сирию, вливаясь в различные вооруженные группы. Сирийское правительство поддерживают шиитские вооруженные формирования из Ирака и ливанское движение «Хизбалла». Иностранные боевики также присоединились к различным группам вооруженной оппозиции, больше всего к ИГ, а также к «Джабхат ан-Нусра». Как утверждает Аарон Зелин из Международного центра исследований радикализации, иностранные боевики составляют 10% от общего числа сил, оппозиционных Башару Асаду [Zelin, 2013].

Боевики сегодня участвуют и в других вооруженных конфликтах, более всего – в Афганистане и Ливии, а в небольших количествах – также в Йемене, Пакистане, Сомали, странах Магриба и на Филиппинах. Есть информация, что нигерийская «Боко Харам» рекрутирует иностранных боевиков из соседних стран.

Что же касается общих цифр, то в материалах Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, учрежденной резолюцией Совета Безопасности 1526 (2004), указывается,

что, хотя и невозможно установить точные данные о количестве иностранных боевиков-террористов, приблизительное их количество на ноябрь 2014 г. оценивается в 15–20 (может быть, даже 30) тыс. человек [The Islamic State., 2014, p. 8]. При этом десять лет назад их насчитывалось всего несколько тысяч. Десятилетие назад боевики были выходцами из небольшого числа стран, сейчас – более чем из 100. Но все эти оценки постоянно корректируются. Резкий рост численности иностранных боевиков-террористов во всем мире был зарегистрирован с середины 2014 г. по март 2015 г. – на 71%. Зафиксировано резкое увеличение (с 70 до 733%) числа боевиков из ряда европейских и азиатских государств (правда, отчасти это связано с тем, что государства – члены ООН стали предоставлять все более подробные внутренние данные, кроме того, в настоящее время появился более широкий доступ к подобной информации из открытых источников) [Анализ и рекомендации., 2015, с. 9].

Идеологической и организационной основой для иностранных боевиков-террористов был Всемирный исламский фронт за джихад против евреев и крестоносцев, созданный в свое время «Аль-Каидой» на территории Афганистана, поэтому именно Афганистан считается страной, где впервые появились иностранные боевики-террористы. Тысячи иностранных боевиков обучались здесь в лагерях по подготовке террористов. Важно отметить, что большая часть боевиков, подготовленных «Аль-Каидой», составила затем ядро боевых групп «Талибана». Остальные (весьма немногие) попали в основную структуру «Аль-Каиды». В марте 2015 г. в Афганистане воевали приблизительно 6500 иностранных боевиков-террористов. Эта цифра была предоставлена вышеупомянутой группе афганскими органами безопасности [там же].

Джихадисты из западных стран предпочитают действовать не у себя на родине, а выезжать за рубеж. Есть несколько возможных объяснений этому. Некоторые полагают, что это проще. Конечно, планирование и проведение террористических нападений в западных странах рискованно, но так же опасно пересекать границы, действовать на незнакомой территории, скрываться от местной полиции. Однако если говорить о продолжительности террористической деятельности, то вполне можно утверждать, что в Европе и Америке боевики редко имеют возможность провести больше

одного теракта, прежде чем их арестуют или убьют. За рубежом они сражаются значительно дольше, и для тех из них, кто стремится к насыщенной, бурной жизни, это имеет значение. Среди западных аналитиков и политиков (больше американских, чем европейских) распространено мнение, что боевики предпочли бы заниматься террористической деятельностью на Западе, но для этого должны обучиться в тренировочных лагерях за границей, что согласуется с идеей о том, что иностранные боевики со временем превращаются в «домашних». На самом же деле интенсивная террористическая подготовка не нужна для проведения терактов в западных странах. В определенном объеме ее можно получить и на Западе. Кроме того, в тренировочных лагерях лишь незначительная часть боевиков получает навыки в создании взрывных устройств, умении уходить от слежки, что необходимо для осуществления террористических мероприятий в европейских и американских городах. К тому же поездки в тренировочные лагеря за границу сопряжены с риском. Т. Хеггхаммер полагает, что только один из десяти иностранных боевиков возвращается на Запад для проведения теракта [Hegghammer, 2013, p. 7]. Мотивации для возвращения могут быть разные. Возможно, вначале некоторые из новобранцев предполагали участвовать в вооруженной борьбе только за границей, но, оказавшись в тренировочном лагере, подружился с другими боевиками и у них появилось корпоративное чувство лояльности по отношению к принявшей их организации и желание служить ей. Возможно также, что под влиянием религиозных установок умеренного толка, не поощряющих применение насилия за пределами своей страны, боевик посчитал насильственные действия на родине легитимными и вернулся по своей воле, без внешнего побуждения на принятие такого решения. Но в любом случае многие боевики-ветераны в ходе боевых действий часто становятся более агрессивными, а их взгляды – еще больше радикализируются. Нередки также случаи получения психологических травм.

Участие ветеранов, вернувшихся из-за границы, повышает результативность нападений внутри страны: они имеют опыт вооруженной борьбы, умеют изготавливать взрывные устройства, составлять планы нападений и пользуются большим авторитетом среди новичков. Они убеждены в легитимности борьбы на родине

и часто являются руководителями операций. Первые случаи возвращения лиц, связанных с «Аль-Каидой», были зафиксированы после свержения режима талибов в Афганистане в конце 2001 г.

Отличительная черта нынешнего поколения иностранных боевиков-террористов – их готовность и умение использовать социальные сети, которые объединяют боевиков разных государств, что упрощает планирование террористических актов. Сейчас сформировалась своеобразная диаспора боевиков – удобный международный фонд для мобилизации необходимых кадров для проведения терактов. Прежде, в Афганистане, все было иначе, там была очевидна этническая разобщенность: европейцы, узбеки, китайцы – представители каждой нации стремились сражаться бок о бок со своими соплеменниками, арабы также объединялись в отдельную группу.

Помимо совершения террористических актов, иностранные боевики-террористы осуществляют другие виды деятельности. Они вербуют сторонников, мобилизуют ресурсы, способствуют распространению радикальных взглядов среди молодежи, обучают новые кадры, работают в сфере материально-технического обеспечения деятельности террористов, служат курьерами.

Куда же чаще всего направляются иностранные боевики-террористы? В настоящее время это прежде всего ИГИЛ: их привлекает идеология, связанная с созданием «халифата», желание поддержать сопротивление, которое ИГИЛ оказывает западным странам. Боевики сосредоточиваются в Сирийской Арабской Республике, Ираке и Афганистане, кроме того, они воюют в Йемене, Ливии, Пакистане и странах Сахеля, в Сомали и на Филиппинах.

При рекрутировании боевиков руководство «Аль-Каиды» придерживается определенной тактики. Для террористических атак на удаленного противника отбираются лучшие, хорошо обученные, идеологически мотивированные, но немногочисленные члены ее террористических ячеек. Руководство «Аль-Каиды» осуществляет связь с региональными структурами, такими, например, как «Аль-Каида на Аравийском полуострове», что позволяет повысить эффективность деятельности иностранных боевиков-террористов. Начиная с 2015 г. крупнейшей тренировочной базой для боевиков становится Ливия. Здесь боевиков учат планировать

террористические акты, совершать побеги из мест заключения, применять взрывные устройства и вести психологическую войну.

При вербовке иностранных боевиков-террористов имеет значение и такой фактор, как легкодоступность региона, где предполагается вести боевые действия. Для некоторых транзитных стран не требуется виза. Чтобы добраться до района действия «Аль-Каиды на Аравийском полуострове» в Йемене, требуется меньше времени и сил. А дорога в зону военных действий на границе Афганистана и Пакистана трудна и особенно опасна. Тут нужно отметить, что страны транзита боевиков сталкиваются со все возрастающими трудностями. Основной поток боевиков в ИГИЛ идет через Турцию, которая должна контролировать 911 км границы с Сирийской Арабской Республикой и 311 км границы с Ираком в условиях массового перемещения беженцев.

При вербовке иностранных боевиков исламисты широко используют информационно-пропагандистские технологии. Они вербуют сторонников через социальные сети, при этом Интернет дает определенную возможность прямой анонимной связи вербовщиков с потенциальными боевиками. В дальнейшем участники таких контактов могут перейти к использованию зашифрованных каналов связи. В Интернете вербовщики применяют «узкоориентированное вещание», ориентируясь на определенные сегменты целевой аудитории – на молодежь, женщин, подростков. Определенные сетевые кампании направлены на вербовку высокообразованных специалистов – инженеров, врачей, учителей и т.д.

Но, несмотря на развитие социальных сетей, которыми широко пользуются вербовщики, по-прежнему важнейшее значение имеют непосредственные контакты между людьми. Поэтому вербовка происходит в школах и колледжах (Великобритания), тюрьмах (Франция), криминальных сообществах (этнические чеченцы в Австрии). В некоторых европейских странах вербовка проводилась на собраниях верующих.

Важным является вопрос о финансировании иностранных боевиков. В целом их финансовые потребности довольно скромны: расходы на проезд, верхнюю одежду, необходимые для жизни в полевых условиях предметы, мобильные телефоны. Расходы иностранных боевиков до приезда в конфликтную зону включают также приобретение оружия. Иностранные боевики рассматрива-

ются ИГИЛ как человеческий ресурс, а не как источник финансирования. В 2014 г. власти Саудовской Аравии провели исследования в отношении 1150 человек, направлявшихся в конфликтные зоны Сирии и Ирака. Их источники дохода включали заимствование средств у друзей и родственников, кредиты, заработную плату и социальные выплаты [Emerging terrorist., 2015, p. 24]. Иногда использовались доходы от мелкого бизнеса, созданного в целях финансирования поездки.

Источники финансирования иностранных боевиков, по большей части, носят легальный характер. Модель финансирования примерно такая же, как у мелких террористических ячеек: известно, что экстремисты, планировавшие террористические акты в Западной Европе, обычно использовали собственные средства членов ячейки, и только четверть ячеек получала финансовую поддержку международных террористических организаций [Oftedal, 2015, p. 16].

Существуют и незаконные источники финансирования, но в случае ИБ полученные денежные средства являются результатом совершения малозначимых преступлений. К таким относятся, например, взятие краткосрочных банковских займов без намерения их возвратить. Имеются также случаи неправомерного использования социальных пособий, мелкого мошенничества, воровства [Emerging terrorist., 2015, p. 25–27]. Возвращение боевиков в страну происхождения тоже требует денег, которые иногда переводятся в близлежащие страны. Многие иностранные боевики обращаются за помощью в свои посольства, заявляя о потере документов.

Ричард Барретт, старший вице-президент Суфан-груп¹ (The Soufan Group), утверждает, что подавляющее большинство иностранных боевиков в Сирии присоединяются к террористическим группировкам [Barrett, 2014, p. 10]. Одна из причин этого – неспособность повстанческих сил умеренного толка проводить эффективные и слаженные боевые операции, что привело к росту числа небольших групп, действующих самостоятельно и объединяющих-

¹ Суфан-груп – структура, представляющая правительствам и международным организациям услуги разведывательного и информационного характера по обеспечению стратегической безопасности. Р. Барретт – бывший начальник Отдела по борьбе с международным терроризмом британской службы МИ-6.

ся только в целях увеличения своего влияния, а не для того, чтобы создать силу, способную бросить вызов сирийской армии. Напротив, экстремистские силы, особенно с большим количеством иностранных боевиков в своих рядах, лучше снабжены, храбро сражаются, более дисциплинированы, лучше мотивированы. Это дает им преимущества перед правительственными силами и перед другими повстанческими группировками в борьбе за новых рекрутов или за территории.

Р. Барретт указывает и другую причину такого положения дел. Экстремистские группы способны быстрее интегрировать иностранцев-боевиков, которые часто не говорят на арабском языке и обычно не обучались военному делу. Провозглашенная ими идея борьбы с целью защиты глобального мусульманского сообщества от агрессии выглядит более привлекательно, чем целеполагание Свободной сирийской армии (ССА), связанное с событиями внутри страны. На практике первыми, кого встречают приезжающие боевики на границе, оказываются экстремисты, готовые незамедлительно воспользоваться энтузиазмом новобранцев.

Главное следствие присутствия иностранных боевиков в Сирии – дальнейшее распространение насилия. Привыкшие к насилию бойцы возвращаются домой или едут на другие поля сражений, где они смогут не только совершать террористические акты, но и вновь присоединиться к сообществу своих соратников, с которыми у них сохраняется и крепнет чувство общности и лояльности.

Хотя трудно определить точное количество мусульман из Европы, которые примкнули к повстанческим или экстремистским группам в Сирии и Ираке, европейские официальные лица полагают, что их количество увеличилось, что в этих конфликтах принимает участие больше европейских мусульман, чем в предыдущих [European fighters..., 2015, p. 9]. По данным Европола, от 3000 до 5000 граждан Евросоюза покинули Европу, чтобы воевать в Сирии, Ираке и других конфликтных зонах [Teffer, 2015]. Петер Нойман, директор Международного центра по изучению радикализации Королевского колледжа Лондона, называет цифру 4000 боевиков [Neumann, 2015].

Основные страны происхождения европейских боевиков – Австрия, Бельгия, Дания, Франция, Германия, Нидерланды, Испания, Швеция и Великобритания. Многие боевики – из второго или

третьего поколения иммигрантов, но не все. Из стран Евросоюза приезжают 18% от числа всех иностранных боевиков [Barrett, 2014, p. 16], при этом 6% из них – новообращенные мусульмане (среди приехавших из Франции эта цифра достигает 25%) [там же].

Европейские страны принимают меры, чтобы противостоять угрозам, связанным с ИБ. Были созданы структуры по координации усилий в деле наблюдения за лицами, собирающимися примкнуть к джихаду за пределами границ ЕС и возвратившимися боевиками, а также структуры, предпринимающие действия по трем направлениям: уголовное преследование, использование административных рычагов превентивного или карательного свойства, меры по дерадикализации.

Все страны Евросоюза ратифицировали Римский статут Международного уголовного суда, в соответствии с которым ИБ могут быть обвинены в «международных преступлениях» (военные преступления, преступления против человечности, геноцид), совершенных за пределами Евросоюза. Однако в мае 2014 г. Россия и Китай заблокировали в Совете Безопасности распространение юрисдикции Международного уголовного суда на ситуацию в Сирии. Обычно правонарушения, в том числе относящиеся к терроризму (указанные в уголовных кодексах или в специальном анти-террористическом законодательстве), могут преследоваться в судебном порядке государством – членом ЕС при условии, что правонарушения были совершены на его территории (принцип территориальности), его гражданином (принцип активного гражданства, или активный персональный принцип) или против его граждан (пассивный персональный принцип). Это означает, что неграждане, которые совершают преступления за пределами ЕС, могут избежать судебного преследования. Поэтому некоторые государства – члены ЕС решили поменять законы с целью введения принципа экстерриториальности.

В соответствии с решением Евросовета [Council framework.., 2008] в национальных уголовных законодательствах европейских стран был отражен ряд преступлений, относящихся к терроризму. Это членство в террористических группах, публичное подстрекательство к совершению террористического противозаконного действия, вербовка террористов и их подготовка. Некоторые страны, например Бельгия и Германия, пошли еще дальше и ввели уголов-

ную ответственность за прохождение такой подготовки. Применение этих положений представляется проблематичным, поскольку следование в зону конфликта само по себе не является противоправным действием, если нельзя доказать, что имела место попытка совершить определенного вида преступление. Примечательно, что первое успешное уголовное преследование иностранных боевиков, отправляющихся в Сирию, было осуществлено на основании голландского уголовного закона об убийстве и поджоге, а не о терроризме. Европейские страны пытаются преодолеть ограничения, заложенные в национальных законодательствах, с помощью новой интерпретации уже существующих законов и создания новых. Предпринимались попытки вести уголовное преследование за проведение сборов для поездки в конфликтные зоны. В Бельгии и Германии собираются ввести новые статьи в уголовный кодекс, объявляющие противозаконными поездки в зоны конфликтов.

К применяемым административным мерам воздействия относится, в частности, конфискация проездных документов (например, паспорта) у лиц, заподозренных в джихадистской деятельности. Это практикуется в Дании, Франции, Германии, Нидерландах и Великобритании. В Бельгии некоторые городские советы лишают регистрации лиц, побывавших в Сирии, таким образом перекрывая им доступ к системе социального обеспечения. В Великобритании и Нидерландах пошли еще дальше, здесь возможно лишение гражданства (в Нидерландах такую меру нельзя применить, если лицо после этого не будет иметь никакого гражданства). Дополнительные административные меры принимаются, когда дело касается несовершеннолетних. В Нидерландах Агентство по защите детей может оформить опеку в воспитательном учреждении, забрать документы, удостоверяющие личность, у комбатантов-подростков и у детей, чьи родители собираются ехать в зоны конфликтов. В Дании власти могут конфисковать паспорта несовершеннолетних, выезжающих в конфликтные зоны, и отказаться выдавать новые, пока родители не согласятся на поездку [см.: Vidino, Snetkov, Pignoni, 2014].

Ряд европейских стран используют «мягкие» инструменты, пытаясь препятствовать радикализации или способствовать интеграции уже отбывших наказание индивидов. Это характерно для Дании, применяющей подобную инклюзивную модель, и несвой-

ственно Франции и Испании, где более распространен репрессивный подход, и Великобритании, где практикуются превентивные аресты. В Дании полагают, что жесткая политика приводит к дальнейшему «исключению» из общества и так уже маргинализированных групп населения и к дальнейшей поляризации общества. Такой подход основан на убеждении, что индивиды представляют разную степень угрозы для общества, и некоторые из них могут вернуться к нормальной жизни. На индивидуальном уровне здесь предлагается задействовать институт наставничества, занятия по выходным, помощь психологов. В этом процессе принимают участие полиция, религиозные деятели, социальные работники и НПО [см.: Vidino, Snetkov, Pìgoni, 2014]. Несмотря на теракт в Копенгагене в феврале 2015 г., в Дании по-прежнему действует так называемая «модель Орхуса», направленная на укрепление доверия между бывшими боевиками и властями, которые помогают им реинтегрироваться в общество.

Во Франции в январе 2015 г. была запущена программа противодействия экстремистской пропаганде. В Германии на уровне земель было предложено значительное количество инициатив. Например, в Гессене представители властей посещают школы, где проводят дискуссии по соответствующей теме, создают центры для проведения консультаций для родителей. На федеральном уровне Федеральное ведомство по вопросам миграции и беженцев поддержало подобные инициативы, попытавшись привлечь к диалогу семьи лиц с радикальными взглядами [Bakowski, Puccio, 2015, p. 8–9]. С 2012 г. в Берлине и на востоке Германии началась реализация проекта ХАЯТ (НАУАТ), нацеленного на то, чтобы, оценив личность каждого возвратившегося боевика, запустить, если это возможно, процесс консультаций и реинтеграции. Эта модель предусматривает осуществление деидеологизации, способствующей постепенной реинтеграции бывшего боевика в общество. Процесс реинтеграции имеет три измерения – идеологический, прагматический и эмоциональный. В идеологическом плане предусматривается делегитимизация и доказательство несостоятельности взглядов джихадистов, побуждение возвратившегося боевика к разрыву с прошлым. Прагматический подход предусматривает предоставление помощи в поиске работы и в обеспечении жильем, а также в получении образования. В сфере эмоциональной помощи проект

ХАЯТ направлен на работу с семьей боевика, которая должна оказывать ему поддержку. Кроме того, нужно помочь ему изменить круг общения, сменить социальную группу, на нормы и ценности которой он ориентируется, кому старается подражать [Lister, 2015, p. 10].

Иностранные боевики не только создают непосредственную угрозу безопасности Европы, но и формируют вызов долгосрочного характера. Разумеется, самое главное – это как можно скорее остановить поток боевиков, но также важно бороться с радикализацией отдельных групп населения в Европе и внедрить продуманную политику по отношению к возвратившимся боевикам. Правительства и общества западных стран должны относиться к иностранным боевикам не одинаково, а дифференцированно. При этом необходимо понимать, что в наши дни опасность исходит и от террористов-одиночек, которые не обладают военным опытом иностранных боевиков и вообще не нуждаются в длительной подготовке. Выработав более адекватный подход к решению проблемы иностранных боевиков, можно предотвратить появление и такого рода террористов.

Список литературы

Анализ и рекомендации, касающиеся глобальной угрозы со стороны иностранных боевиков-террористов / ООН. Совет Безопасности. Группа по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями. – Нью-Йорк, 2015. – 19.05. – S/2015/358. – С. 3–32. – Режим доступа: http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/2015/N1508459_RU.pdf (Дата обращения – 22.01.2016).

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) / Международный комитет Красного Креста. – Женева, 1977. – 08.07. – С. 207–283. – Режим доступа: https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (Дата обращения – 22.01.2016).

Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности на его 7272-м заседании 24 сентября 2014 года / ООН. Совет Безопасности. – Нью-Йорк, 2014. – S/RES/2178 (2014). – 10 с. – Режим доступа: http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/2015/N1454801_RU.pdf (Дата обращения – 22.01.2016).

Wakowski P., Puccio L. «Foreign fighters»: Member states' responses and EU action in an international context / European parliament. European

parliamentary research service. – Strasbourg, 2015. – February. – 12 p. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/EPRS/EPRS-Briefing-548980-Foreign-fighters-FINAL.pdf> (Дата обращения – 22.01.2016).

Barrett R. Foreign fighters in Syria / The Soufan Group. – N.Y., 2014. – June. – 34 p. – Mode of access: <http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2014/06/TSG-Foreign-Fighters-in-Syria.pdf> (Дата обращения – 22.01.2016).

Bin Laden U. Jihad against Jews and Crusaders: World Islamic Front statement. – 1998. – 23.02. – Mode of access: <http://fas.org/irp/world/para/docs/980223-fatwa.htm> (Дата обращения – 22.01.2016).

Council framework decision 2008/919/JHA amending Framework decision 2002/475/JHA on combating terrorism / The Council of the European Union. – Brussels, 2008. – 28.11. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32008F0919> (Дата обращения – 22.01.2016).

Emerging terrorist financing risks / Financial action task force (FATF). – P., 2015. – October. – 48 p. – Mode of access: <http://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Emerging-Terrorist-Financing-Risks.pdf> (Дата обращения – 22.01.2016).

European fighters in Syria and Iraq: Assessments, responses, and issues for the United States / Archick K., Belkin P., Blanchard Ch.M., Humud C.E., Mix D.E.; Congressional research service. – Wash., 2015. – 27.04. – 42 p. – Mode of access: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/R44003.pdf> (Дата обращения – 22.01.2016).

Hegghammer Th. Should I stay or should I go? Explaining variation in Western jihadists' choice between domestic and foreign fighting // American political science review. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. – Vol. 107, Issue 1. – P. 1–15. – Mode of access: http://hegghammer.com/_files/Hegghammer_-_Should_I_stay_or_should_I_go.pdf (Дата обращения – 22.01.2016).

Hegghammer Th. The rise of Muslim foreign fighters: Islam and the globalization of jihad // International security. – Cambridge, MA: MIT press, 2011. – Vol. 35, Issue 3 (Winter 2010/11). – P. 53–94. – Mode of access: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/The_Rise_of_Muslim_Foreign_Fighters.pdf (Дата обращения – 22.01.2016).

Lister Ch. Returning foreign fighters: Criminalization or reintegration? / Brookings institution. Brookings Doha center. – Wash., 2015. – August. – 14 p. – Mode of access: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2015/08/13-foreign-fighters-lister/en-fighters-web.pdf> (Дата обращения – 22.01.2016).

Malet D. Foreign fighters: Transnational identity in civil conflicts: A dissertation submitted to the Faculty of the Columbian college of arts and

sciences of the George Washington univ. – Wash., 2009. – August. – 322 p. – Mode of access: <http://pqdtopen.proquest.com/doc/304879967.html?FMT=AI> (Дата обращения – 22.01.2016).

Malet D. Why foreign fighters? Historical perspectives and solutions // Orbis / Foreign policy research institute. – Philadelphia, PA, 2010. – Vol. 54, Issue 1. – P. 97-114. – Mode of access: http://davidmalet.com/uploads/Why_Foreign_Fighters_Malet.pdf (Дата обращения – 22.01.2016).

Neumann P.R. Foreign fighter total in Syria/Iraq now exceeds 20,000; surpasses Afghanistan conflict in the 1980 s / The international centre for the study of radicalisation and political violence (ICSR). – L., 2015. – 26.01. – Mode of access: <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s/> (Дата обращения – 22.01.2016).

Oftedal E. The financing of jihadi terrorist cells in Europe / Norwegian defence research establishment (FFI). – Kjeller, 2015. – 06.01. – FFI-rapport 2014/02234. – 66 p. – Mode of access: <http://www.ffi.no/no/Rapporter/14-02234.pdf> (Дата обращения – 22.01.2016).

Panel event on foreign fighters / Working group on the use of mercenaries. – N.Y., 2015. – 23.07. – 7 p. – Mode of access: <http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Mercenaries/WG/ConceptNoteForeignfighters.pdf> (Дата обращения – 22.01.2016).

Roy O. The failure of political Islam. – Cambridge, MA: Harvard univ. press, 1994. – 238 p.

Teffer P. Up to 5,000 Europeans joined jihad, Europol shief says // EUObserver. – Brussels, 2015. – 14.01. – Mode of access: <https://euobserver.com/news/127202> (Дата обращения – 22.01.2016).

The Islamic State in Iraq and the Levant and the Al-Nusrah Front for the People of the Levant: Report and recommendations submitted pursuant to resolution 2170 (2014) / UN. Security Council. – N.Y., 2014. – 14.11. – S/2014/815. – P. 3-35. – Mode of access: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2014_815.pdf (Дата обращения – 22.01.2016).

Vidino L., Snetkov A., Pigoni L. Foreign fighters: An overview of responses in eleven countries / Center for security studies (SSC). – Zurich, 2014. – March. – 19 p. – Mode of access: http://www.css.ethz.ch/publications/pdfs/Foreign_Fighters_2014.pdf (Дата обращения – 22.01.2016).

Zelin A.Y. ICSR insight: Up to 11,000 foreign fighters in Syria; steep rise among Western Europeans / The international centre for the study of radicalisation and political violence (ICSR). – L., 2013. – 17.12. – Mode of access: <http://icsr.info/2013/12/icsr-insight-11000-foreign-fighters-syria-steep-rise-among-western-europeans/> (Дата обращения – 22.01.2016).